

На правах рукописи

Любчанская Татьяна Владимировна

**Средневековые кочевники Восточной Европы и Древняя Русь
(Кочевые элементы в генезисе
древнерусской государственности)**

Специальность 07.00.02 – отечественная история

Автореферат

*диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук*

Ижевск 2004

Работа выполнена в Челябинском государственном университете

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор
Иванов Владимир Александрович

Официальные оппоненты – доктор исторических наук, профессор
Белавин Андрей Михайлович

кандидат исторических наук, доцент
Пузанов Виктор Владимирович

Ведущая организация: Пензенский государственный педагогический
университет

Защита состоится “___” _____ 2004 г. в _____ часов на заседании
диссертационного совета Д 212.275.01 при Удмуртском государственном
университете по адресу: 426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Удмуртского государственного университета

Автореферат разослан “___” _____ 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
к.и.н., доцент

Г.Н. Журавлева

Актуальность темы. На протяжении своей истории Российское государство неоднократно испытывало периоды коренного переустройства. Можно сказать, что после каждого значительного кризиса Россия создавала свою государственность заново. Сейчас мы вновь переживаем такой период. С этим связана проблема поиска национальной идеи. Однако для многонационального и многоконфессионального государства, каким является Россия, объединяющей является идея не национальная, а государственная.

В связи с этим в исторической науке вновь актуализировалась тема становления древнерусской государственности, неоднократно поднимавшаяся в историографии. Исследователями были отмечены многие факторы, повлиявшие на развитие политических институтов Руси. В качестве одного из таких факторов называлось и соседство со степью, точнее борьба с кочевниками. Однако, очевидно, что наиболее быстрыми темпами в домонгольское время развивались именно регионы, постоянно контактирующие с номадами.

Сегодня можно утверждать, что отношения Руси с кочевыми народами были многогранными и отнюдь не сводились к одним военным столкновениям. Более того, Древняя Русь во многом повторяла устройство кочевых держав. Вероятно, существовал целый ряд моментов, сближающих два мира. Кочевники обладали реальной военной и экономической мощью, и, вероятно, представлялись современникам лидерами на мировой политической арене. Именно они выступали как посредники, перенося на Русь и институты развитых государств. Вероятно, к этому можно добавить “психологический фактор”: поскольку кочевнические объединения и Русь находились на одном уровне развития, внутреннее устройство кочевнической империи должно было быть ближе и понятнее. Это приводило, во-первых к обоюдному простому заимствованию наиболее ярко выраженных внешних форм политического устройства, титулатуры; во-вторых, к быстрому культурному сближению (причиной могла выступать близость ценностных ориентиров – род, семья, обычай, законы гостеприимства). Таким образом, роль кочевников в становлении древнерусской государственности трудно переоценить.

Объект исследования – кочевые элементы в системе древнерусской государственности.

Предметом исследования являются контакты кочевников и древнерусских земель, оказавшие влияние на формирование древнерусской государственности.

Целью исследования является отражение кочевого влияния на становление древнерусской государственности.

Исходя из поставленной цели вытекают следующие исследовательские **задачи**:

- обобщение и систематизация материалов письменных источников по проблеме взаимоотношений тюркоязычных кочевников и Древней Руси;

- анализ российской историографической традиции XIX—XX вв. по обозначенной проблеме;

- реконструкция общественно-политического развития и выявление схожих черт и элементов заимствования в общественно-политической структуре Древней Руси и кочевнических объединений.

Территориальные рамки исследования – восточноевропейские степи (Дикое поле) и лесостепь, традиционно понимаемая как пограничная территория Древней Руси и кочевников.

Хронологические рамки работы ограничивают период IX – начало XIII вв. Нижние временные рамки совпадают с первыми упоминаниями источниками Руси, как отдельного политического объединения, и появления в восточноевропейских степях тюркоязычных кочевников – печенегов и огузов. Верхний временной предел исследования обусловлен появлением на политической арене татаро-монголов.

Источниковая база. Данная работа в основном посвящена политическим взаимоотношениям Руси и кочевников, поэтому в ней используются большей частью письменные источники. Среди основных – русские летописи, византийские хроники Скилицы (XI в.) и Зонары (XII в.), “История” Льва Диакана, “Алексиада” Анны Комниной, “Об управлении империей” Константина Багрянородного, ряд сообщений арабских и персидских авторов (Худуд-ал-Алам, Ибн-Хаукаля, Гардизи и др.).

Методологической основой диссертации стала концепция месторазвития, разработанная П.Н. Савицким.

В качестве основного метода исследования нами был использован диалектический метод, в основе которого лежит комбинированный системный подход, позволивший рассмотреть эволюцию развития взаимоотношений между тюркоязычными кочевниками южнорусских степей и Древнерусскими землями во времени и проанализировать различные аспекты этих отношений, повлиявших на складывание древнерусской государственности. Кроме того, в работе используются сравнительный, проблемно-хронологический, типологический и другие методы исследования.

Научная новизна определяется прежде всего тем, что данная тема разработана в специальных исследованиях явно недостаточно и односторонне. Диссертационная работа является первым специальным исследованием, нацеленным на отражение восточных влияний на складывание древнерусской политической системы в свете новых взглядов на историю Древней Руси и последних данных нomaдологии.

Практическая значимость. Проблемы, затронутые в диссертации представляют интерес как для историков древней Руси, так и кочевниковедов. Обобщенные в работе материалы и выводы могут быть использованы в общих и специальных курсах как по истории Древней Руси, так и по другим гуманитарным дисциплинам, в частности, по истории тюркоязычных nomaдов,

этнической истории народов России. Материал настоящей работы может быть применен при написании научных статей и монографий по истории Древней Руси.

Апробация работы. Основные выводы проведенного исследования докладывались автором на научных конференциях “Этнические взаимодействия на Южном Урале” (2002 г.); “Человек в пространстве культуры” (2003 г.) в Челябинске, на международном симпозиуме “Человек и природа”, (2003 г.) в Кракове. Результаты работы отражены в 13 научных публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения. К тексту приложены: список сокращений и список использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, определяются ее хронологические рамки. Формулируются цели и задачи работы, и определяется ее методологическая основа.

Первая глава носит название *“Кочевники и Русь в средневековых письменных источниках”*. В рамках этой главы предпринимается попытка обобщить материалы известных на сегодняшний день письменных источников, характеризующих социально-политическое устройство обществ кочевников и отражающих взаимоотношения кочевников с древнерусскими землями.

Подробное описание соседних Руси кочевников содержится в византийских источниках. Для установления общественно-политической системы печенегов и их отношений с Русью огромное значение имеет трактат императора Константина Багрянородного “Об управлении империей”. Константин оставил подробное описание самой “Пачинакии”, русско-печенежских отношений, дал характеристику международной обстановки, осложненной печенегами.

Несколько произведений византийцев, отражающих взаимоотношения Руси и печенегов, посвящены походам князя Святослава. Целый ряд сведений дают “История” Льва Диакона, “Обозрение историй” Иоанна Скилицы, “Хроника” Иоанна Зонары: о союзниках руссов, о договоре Святослава с Цимисхием о проходе мимо печенегов, об убийстве Святослава на порогах. Кроме того, Лев Диакон дает косвенные сведения, в частности, сообщение, что росы сражаются только в пешем строю и совершенно не пригодны для кавалерии. Сопоставляя это сообщение с данными других источников, указывающих на огромную роль конницы в битвах руссов, можно предположить, что эту роль играли кочевники. Достаточно много места печенегам и огузам отведено в “Хронографии” Михаила Пселла.

Обширный труд Анны Комниной подробно описывает половцев. Известный писатель и оратор Евстафий Солунский, включил некоторые элементы описания половцев в речь-экспромт, импровизированную им перед Исааком Ангелом в Филиппополе. Первоклассный источник по истории Византии и сопредельных стран и народов XII – начала XIII в. представляет собой “Хроника” Никиты Хониата. Хониату принадлежит одна из наиболее подробных в византийской историографии характеристик половцев, которых он называет и куманами, и скифами. Скифами называет половцев и Иоанн Цец, в произведении которого содержатся сведения о политической и экономической жизни Древней Руси и кочевников.

Некоторую информацию дают документы, относящиеся к церковному устройству. Византийская церковь, заинтересованная в распространении своего влияния на как можно большую территорию Руси, оказалась основным информатором о территории Руси, ее областях, в документах указываются топографические особенности южной границы русских княжеств, интересные данные о крещении “варваров”.

Большое значение для изучения взаимоотношений кочевников с Русью имеют арабские и персидские источники. Наиболее оригинальным арабским памятником X в. является знаменитая “Записка” (“Рисале”) Ибн Фадлана, которая дает сообщения о многих народах, населявших Восточную Европу в X в. До сегодняшнего дня эти описания считаются наиболее полными и достоверными.

Арабские путешественники попадали в Восточную Европу не только с востока, но и с запада – из мусульманской Испании. Одним из таких путешественников был Ибрахим ибн Йа`куб. Для нас интересно упоминание им хазар, руссов и печенегов как славянских народов, не в традиционном для арабской историографии значении – жители Восточной Европы, но как народы, говорившие по-славянски, так как они смешались со славянами.

Одно из самых замечательных средневековых географических произведений анонимный трактат “Пределы мира от востока к западу” (“Худуд ал-`Алам мин ал-машрик ила-л-магриб”). Сведения персидского Анонима очень разнообразны: они касаются физической и этнической географии региона, а также некоторых событий политической истории населявших его народов. В сочинениях ал-Истахри и Ибн Хаукаля, положенных в основу “Худуд ал-`Алам”, содержится много других сведений о Восточной Европе. Они касаются в первую очередь описания торговых путей региона, а также этнографических данных о восточно-европейских народах. Интересны сведения Ибн-Хаукаля о походах на ал-Андалус. По предположению В.М. Бейлиса, возможно, что упоминаемые автором славяне, печенеги и тюрки действовали не самостоятельно, а под руководством

русов¹. В одном из фрагментов о народе ар-рус Ибн-Хаукаль называет печенегов шипом Руси, т.е. в его представлении в середине X в. печенеги находились не просто в мирных отношениях с Русью, но и были их традиционным и надежным военным союзником. Подтверждением известий Ибн Хаукаля могут служить данные ал-Мас'уди о набегах баджнук, баджна, баджгурд и нукарда на земли Византии (ар-Рума) и Италии (Румийи) и распространении этих нападений в направлении границ Андалусии, государства франков и Галисии, а также рассказ Мутаххара ибн Тахира ал-Макдиси о вторжении отряда тюрок в одну из областей Андалусии. Под тюрками в этих рассказах подразумеваются печенеги, венгры и те отряды восточноевропейских народов, которые служили наемниками в византийской и русской армии. В рассказе о нападении маджусов (русов) на Севилью другого автора Ибн ал-Кутийи нет упоминания об участии иных народов, но описание осады Севильи явно указывает на кочевническую тактику.

Описание территории, вероятнее всего, “тюркских печенегов” приводит в своей книге “Зайн ал-ахбар” (“Украшение известий”) персидский историк XI в. Гардизи, глава о тюрках составлена на основе данных Ибн Хордадбеха, ал-Джайхани, Ибн-Русте. Это сообщение перекликается с аналогичным сообщением Абу-Дулафа о воинственности и независимости печенегов. Схожие сведения содержатся в книге ал-Марвази “Таба и ал-хайаван” (“Природа животных”). Относительно огузов, ал-Марвази не только сообщает сведения о территории их расселения, взятые им у Джайхани, но и дополняет их новыми данными, относящимися к XI в. Область печенегов (“баджнак”) обозначена также на карте мира, оставленной Махмудом Кашгарским в 1074 г., где она помещена к северо-западу от Дербенда и к западу от областей “ас-сакалиба” и “ар-рус”.

Наиболее крупным арабским географом XII в. был ал-Идриси, автор сочинения “Развлечение истомленного в странствии по областям” (“Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак”). Согласно птолемеевской традиции, автор поделил земную поверхность на семь климатов, каждый из которых, в свою очередь, делился на десять поперечных секций. В четвертой—шестой секциях VI—VII климатов приводится характеристика стран и народов Восточной Европы – Руси, Кумании, Волжской Булгарии. Сочинения ал-Идриси стало основным источником для географических произведений двух более поздних авторов – Ибн Са'ида и Абу-л-Фиды. Особенно интересны сообщения Ибн Са'ида о славянах, под которыми он подразумевал исключительно западных славян, о руссах и кипчаках. В географическом сочинении “Упорядочение

---

¹ Бейлис В.М. Народы Восточной Европы в кратком описании Мутаххара ал-Макдиси (X в.) // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1969. Т. II. С. 308.

стран” (“Таквим ал-бул-дан”) Абу-л-Фиды: “русия – это умма тюрок, соседствующих на востоке с гузами”².

Некоторые сведения могут быть почерпнуты в источниках, созданных в государстве малоазиатских Сельджукидов, в частности, в хронике Ибн Биби (или Ибн ал-Биби). В этой хронике сохранился неизвестный по иным источникам рассказ о захвате сельджуками в начале XIII в. крымского торгового города Судака и ответных действиях, предпринятых половцами и русскими. Рассказ Ибн Биби хорошо раскрывает экономическую подоплеку событий и позволяет рассматривать русских и половцев как главных политических гарантов безопасной торговли в Восточной Европе в этот период. Эти выводы подтверждают и данные Ибн ал-Асира в “Совершенной книге по истории” (“Китаб ал-каmil фи-т-та`рих”).

Замечательным памятником является Половецкий словарь (Codex Cumanicus), который датируется 1303 г. Для нас наибольший интерес представляет группа слов, рассказывающая о номенклатуре половецкого общества.

Сведения исторического характера содержатся и в некоторых поэтических произведениях восточных авторов.

Западноевропейские источники менее содержательны в освещении вопроса взаимоотношений Руси и кочевников, тем не менее, ряд сведений можно найти и в них. Наиболее интересными являются агиографические памятники первой трети XI в., посвященные миссионерской деятельности в Восточной Европе миссионного епископа Бруно Кверфутского. В “Житии блаженного Ромуальда” (“Vita beati Romualdi”), написанном Петром Дамиани, находим пространный рассказ о пребывании Бруно на Руси. По этой версии до печенегов Бруно не доехал, так как был убит братом короля руссов. Такая же контаминация восточноевропейской миссии Бруно свойственна и экскурсу в составе 3-й редакции “Хроники” ангулемского клирика Адемара Шабаннского (Ademari Cabannensis chronicon), хотя там миссионер гибнет от рук печенегов. В тексте письма Бруно Кверфутского к германскому королю Генриху II содержится целый ряд уникальных сообщений: об учреждении печенежской епископии; о “крепчайшей и длиннейшей ограде”, которой Владимир из-за печенежской угрозы укрепил южные рубежи Руси.

Так же уникально сообщение саксонского хрониста Титмара Мерзебургского о неизвестном по русским источникам походе Болеслава в союзе с печенегами на Русь в 1013 г. О другом походе Болеслава на Русь в 1018 г. сообщает ряд источников (русских и европейских), но только у Титмара обращается внимание на особую роль печенегов. Очевидно, что для печенегов участие в качестве наемников в иностранных армиях становится способом существования.

---

² Абу-л-Фиды. Таквим ал-булдан // Geographie d'Aboulfeda. Paris, 1840. P. 218—219.

О печенегах знали и в Испании, и во Франции, и в германских княжествах. Об этом свидетельствует упоминание об ордах “диких печенегов” в “Песне о Роланде”. В “Хронике” Оттона Фрейзингенского говорится о печенегах и “фалонах” (falones) – половцах. Робер де Клари, французский хронист, принимавший участие в крестовом походе на Константинополь, оставил характеристику половецкого быта.

Некоторые сведения содержатся в “Венгерском хроникальном своде” (“*Chronici Hungarici compositio saeculi XIV*”), в “Деяниях венгров” Шимона Кезаи (Simonis de Keza Gesta Hungarorum) и более ранних “Деяниях венгров Анонима” (“*Anonymi Gesta Hungarorum*”). Часть сведений содержится в легендарной части повествования о судьбе венгров до их переселения на Дунай (в основном, относительно печенегов и Руси), более достоверны данные об отношениях западнорусских земель и половцев более позднего периода.

О русско-половецких отношениях западноевропейские источники содержат крайне мало сведений, связано это с общим изменением характера сведений о Руси вообще с первой половины XII в. Они мельчают, становятся случайными, а как следствие – более смутными, с трудом поддающимися интерпретации. Главная причина тому – это усилившееся дробление и регионализация международных связей Руси.

Наибольшее количество материала содержат русские источники: летописи, “Слово о полку Игореве”, эпические произведения, житийная литература.

В целом, летописи достаточно подробно описывают отношения руссов с половцами, в отличие от руссо-печенежских, о которых в летописях содержатся лишь фрагментарные данные (как и вообще о периоде IX—X вв.). На наш взгляд, надо обратить внимание на свидетельство, которое сохранилось у В.Н. Татищева (в известных сегодня источниках этот факт не сохранился) о том, что одна из печенежских орд в 979 г. решила осесть в русском пограничье и принять подданство Руси. Судя по русской летописи, отношения у русских земель с торками (узами, гузами, огузами – в иностранных источниках) складывались по схожему сценарию. Первое упоминание о торках относится к 985 г. Правда, в этом случае мы, вероятно, не можем быть уверены, что речь идет о торках, в дальнейшем фигурирующих в летописи. Двухязычие древнерусского летописца заставляет нас обратить внимание на то, что народ, к которому принадлежит жена, по-тюркски – “торкин”. Поскольку привел торков дядя Владимира по материнской линии Добрыня, то подобное название могло быть вполне приложимо к войску, собранному из рода матери Владимира. После 1060 гг. торки не фигурируют как самостоятельная политическая сила, но участвуют во всех древнерусских событиях, как подданные русских князей (с 1146 г. – черные клобуки).

Одновременно с торками, в 1055 г. на границах Руси появляются половцы. Сведения о половцах наиболее многочисленны и подробны. Отражаются самые разнообразные формы отношений: военные столкновения (по

Лаврентьевской летописи за период 1055—1236 гг. половцы нападали на Русь – 12 раз, руссы на половцев – 12 раз и совместных русско-половецких операций в междоусобных войнах было 30), совместные походы, русско-половецкие браки. Летописи дают характеристику социальной структуры половецкого общества, неоднократно указывают на то, что у половцев сохранялось понятие рода и в общественных институтах, и в хозяйственной градации. Это подтверждают и другие источники (“Сказание о пленном половчине”, “Житие черноризца Никона”). Сообщают летописи также о крещении половцев. Таким образом, русские летописи отразили фактически все стороны половецкого быта, военного дела, общественного устройства.

Большое значение для изучения ментальных и идеологических взаимовлияний Руси и кочевников дает Владимиров цикл былин, сформировавшийся на Киевщине в X—XIII в.

Собранные свидетельства средневековых источников позволяют достаточно полно оценить разнообразные отношения руссов с тюркоязычными кочевниками, выделить контактные зоны между кочевой и оседлой цивилизациями, определить формы, уровни и факторы взаимовлияния.

Во второй главе дается обзор российской историография XIX—XX вв. о взаимоотношениях Руси и кочевников. Глава разбита на два параграфа, отражающих соответственно развитие российской кочевниковедческой историографии в XIX и XX веках.

§ 1. *“Взаимоотношения Древней Руси с кочевниками в освещении российской дореволюционной исторической науки”*

Первой серьезной работой, затрагивающей взаимоотношения Руси и кочевников, можно считать “Историю Российскую” В.Н. Татищева, где он пытается путем сопоставления и анализа летописных сообщений ответить на многие, им же поставленные вопросы. В целом В.Н. Татищев в печенегах, торках и половцах видел врагов, представлявших опасность для Руси.

Официальная историография XIX в. относил кочевые народы к разряду “неисторических”. Тем не менее, отдельные историки признавали важное значение изучения кочевых народов для понимания истории Древней Руси. Сюжеты, связанные с борьбой русского народа против кочевников, рассматривались представителями официальной дворянской историографии первой половины XIX в. – Н.М. Карамзиным, Н.Г. Устряловым, М.П. Погодиным. Эти ученые рассматривали кочевников как главнейших врагов Руси, хотя отмечали, что русские князья призывали кочевников к себе на помощь в случаях междоусобиц и для борьбы с внешними врагами.

Во второй половине XIX в. вопросы взаимоотношений Руси с кочевниками стали важной частью общен исторических концепций русской государственной школы. С этого времени можно говорить о двух направлениях в развитии данной проблемы. Первое направление было представлено трудами С.М.

Соловьева, В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова. Особое внимание эти авторы обращали на особенности географического положения Руси, одной из таких особенностей называя соседство со степью. Историю России исследователи рассматривали как историю страны, которая колонизируется. И основным содержанием этой колонизации считали длительную борьбу русского народа с кочевыми народами. Именно колонизация и укрепление границ со степью в итоге и определили необходимость создания сильного централизованного государства. По мнению В.О. Ключевского, наряду с юридическим и экономическим принижением низших классов и княжескими усобицами набеги кочевников были, одной из главных причин того, что с середины XII в. происходит постепенное запустение Киевской Руси, сопровождавшееся оттоком населения и завершившееся в XIII в. монголо-татарским погромом.

Второе направление в изучении рассматриваемой нами проблемы представлено Н.И. Костомаровым и историками украинской школы. По мнению Н.И. Костомарова, в основе образования Русского государства лежала борьба двух начал – удельно-вечевого (или федеративного) и монархического (или начала единодержавия). Носителем “федеративного начала” являлась “южнорусская” народность, а “начала единодержавия” – “великорусская”. В борьбе вечевого строя с монархическим перевес оказался на стороне последнего, и большую роль в этом процессе сыграли кочевые народы. Кочевники оказались одним из элементов той силы, которая, с одной стороны, мешала развитию в Киеве удельно-вечевого строя, а с другой – не давала возможности развиться и укрепиться прочному деспотизму.

В 1884 г. появилась монография П.В. Голубовского “Печенеги, торки и половцы до нашествия татар”. П.В. Голубовский считал, что если бы роль кочевников ограничивалась лишь участием во внешних войнах и они не являлись бы деятельными участниками внутренних событий на Руси, то соседство с ними могло бы принести только пользу; по его мнению, кочевники были представителями более сильной культуры, более устойчивого образа жизни. В кочевнических набегах автор видел причину неравномерного развития северных и южных областей Древнерусского государства. С другой стороны, кочевники, являлись “уравновешивающей силой”, поддерживавшей на Руси присущее ей политическое устройство, поскольку, выступая на стороне то одних князей, то других, кочевники тем самым не давали им возможности упрочиться.

Своеобразную трактовку получили вопросы борьбы с кочевыми народами у М.Д. Затыркевича. Прежде всего, процесс борьбы оседлого населения с кочевыми народами М.Д. Затыркевич объявил “основным содержанием” и “движущим началом” всей древней и средневековой истории народов. Основной вывод, сделанный М.Д. Затыркевичем, сводился к тому, что кочевники положили начало Русскому государству и южнорусской народности. В дальнейшем борьба между кочевым и оседлым населением

переходит в борьбу между сословиями. У М.Д. Затыркевича в этом процессе участвуют три сословия: боярство, посадское население и дружинники, причем княжеских дружинников он считал потомками кочевых народов.

Концепция М.Д. Затыркевича вызвала резкую критику современников. В.И. Сергеевич констатировал, что, несмотря на большое количество использованного материала, работа М.Д. Затыркевича не имеет научной ценности³. В. Незабитовский отметил, что попытка показать процесс образования Древнерусского государства, опираясь лишь на факты, не удалось, так как их интерпретация была подчинена надуманной теории автора⁴.

По мере расширения круга источников наряду с общими трудами, в которых проблема “Русь и кочевники” рассматривалась лишь как часть общерусского исторического процесса, появляются и специальные исследования, посвященные отдельным вопросам истории кочевников и их взаимоотношений с Русью. Таковы статьи И. Беляева “О северном берегу Черного моря и прилежащих к нему степях до водворения в этом краю монголов”, И. Сымчевского “Торки, берендеи и черные клобуки”, П. Бурачкова “Опыт исследования о куманах, или половцах” и др. В проблемной статье “Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами” В.В. Григорьев распространял на времена Киевской Руси характерные черты во взаимоотношениях оседлых и кочевых народов, выделенные им при исследовании истории народов Средней Азии и Казахстана. Автор сделал интересное наблюдение относительно ритмичности набегов кочевников, отметив при этом, что они не были произвольными, а происходили из-за толчков, которые кочевники получали от более сильных племен.

В 70-е годы разгорелась целая дискуссия об этимологии слова “половец”. В начале XIX в. было принято образовывать слово от “поле” или “полон”, пока А.А. Куником не было предложено объяснение происхождения названия “половцы” от русского слова “половый”. Такое значение слова “половцы” показалось современникам не достаточно убедительным. Высказали сомнение А.И. Соболевский и А.Е. Крымский, считавшие, что половцы не были светловолосыми и поэтому подобная этимология их племенного имени невозможна. Исследователи утверждали, что в некоторых славянских языках слово “плав” означает голубой, и связывали происхождение слова “половец” с синим цветом (по А.И. Соболевскому – от Синей орды половцев, по А.Е. Крымскому – от синих шапок, носимых половцами).

---

³ Сергеевич В.И. Исследования г. Затыркевича в области домонгольского периода русской истории // ЖМНП. Январь. 1876. С. 204—235.

⁴ Незабитовский В. Рец. на кн.: Затыркевич М.Д. О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя Русского государства в домонгольский период. М. 1874 // Университетские известия. № 3. Киев, 1876. С. 1—13.

Вопросы взаимоотношений Киевской Руси с кочевниками привлекли в 60-70-х годах XIX в. внимание Н.Я. Аристова, который постоянные неприязненные отношения кочевых народов и Руси рассматривал как одну из причин, задерживавших промышленное развитие страны. В качестве источников для освещения этой темы автор избрал известия Лаврентьевской летописи, “Слово о полку Игореве” и “Сказание о пленном половчанине”.

Специальную лекцию “Внешнее положение Киевской Руси в XI—XII вв. Борьба со степью и территориальное самоопределение” в курсе лекций по русской истории посвятил А.Е. Пресняков вопросу взаимоотношений Киевской Руси с кочевниками. Автор стремился показать, на фоне каких внешних условий складывалось общественное и государственное устройство Киевской Руси в XI—XII вв., и подчеркивал, что среди них на первом месте была “борьба со степью”. Сложность международного положения послужила, по мнению А.Е. Преснякова, причиной невозможности создания сколь-нибудь прочных государственных границ, а это в итоге привело Киевское государство к феодальной раздробленности в конце XII в.

Большое внимание проблеме отношений Руси и кочевников уделяли представители марксистского направления Г.В. Плеханов и Н.А. Рожков. Г.В. Плеханов в работе “История русской общественной мысли” делал акцент на том, что хозяйство славян, основанное на земледелии, предполагало иную, чем у кочевников-скотоводов военную организацию. Потому большое значение придавалось роли князя как “военного сторожа” Русской земли и объединению вокруг него всего народа. “Борьба со степью”, “влияние географической среды”, “колонизация населения” – все это служило историкам-марксистам для объяснения отсталости России, “слабости в ней классовой борьбы и классовых противоречий”.

В целом же можно сказать, что особенностью российской историографии XIX – начала XX вв. является односторонний подход к оценке роли кочевых народов в истории Киевской Руси. Учитывалась преимущественно негативная сторона проблемы. Указывалось, что кочевники задерживали экономическое и политическое развитие Руси, препятствовали формированию цивилизации и культуры и в конечном итоге вызвали массовое переселение славян на север и северо-восток.

§ 2. Историография XX в. (1917—2000 гг.)

В советской историографии послереволюционного периода появилось немного исследований, непосредственно касавшихся взаимоотношений Руси с кочевниками. Прежде всего, это ряд историографических статей М.Н. Покровского. М.Н. Покровский подверг критике всех исследователей, в трудах которых так или иначе была отражена теория “борьбы леса со степью”, - С.М. Соловьева, Б.Н. Чичерина, В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова, а также Г.В. Плеханова. Основной вывод, сформулированный М.Н. Покровским, заключался в том, что борьба “леса” со “степью” в истории России не было.

Однако исследователь не отрицал самого факта борьбы восточных славян с кочевыми племенами, более того, набеги печенегов и половцев на Русь привели к массовому переселению славян на север. При этом М.Н. Покровский подчеркивал, что княжеские усобицы на Руси сопровождались не меньшим опустошением, чем набеги половцев. В то же время исследователь считал, что кочевники-тюрки причерноморских степей “в культурном отношении были сильнее славян”, а традиционное мнение о том, что степняки выступали только в роли хищников, обуславливалось представлением о стадильном развитии общества от охоты к скотоводству и от скотоводства к земледелию. Взгляды М.Н. Покровского отражали определенный этап в развитии российской исторической науки. Его критика теории С.М. Соловьева дала известный толчок к разработке в советской историографии важных сторон проблемы взаимоотношений Киевской Руси с кочевниками.

В оценке взаимоотношений Киевской Руси с кочевниками М.Н. Покровскому близок В.А. Пархоменко, который утверждал, что в русско-печенежских отношениях были периоды тесных контактов и мирных экономических связей. Кроме того, печенеги и Киев были связаны “до некоторой степени государственно”, поскольку печенеги часто защищали Киев от иноземного завоевания. В противостоянии севера и юга печенеги поддерживали “старый порядок Киевской Руси”. В русских летописях В.А. Пархоменко находит “следы половецкого эпоса”, являющиеся, по его мнению, одной из сторон русско-половецких культурных контактов. Все это дало ему основание прийти к выводу, что “идея извечной, принципиальной борьбы Руси со степью явно искусственного, надуманного происхождения”⁵.

А.Ю. Якубовский отмечал, что даже враждебные отношения между русскими князьями и половецкими ханами не мешали нормальному ходу торговли. Более того, подчеркивал, что “для отношений между русскими и половецкой степью более характерными и нормальными являются не война и набеги, а интенсивный товарообмен”⁶.

В советской историографии 20—30-х годов наряду с работами, отмечавшими положительное значение кочевников, были и содержащие иную точку зрения. Так, П.И. Лященко, И.М. Кулишер, С.В. Юшков видели в кочевниках ту силу, которая повлияла на замедленное экономическое развитие восточных славян и Киевской Руси, тем самым повторяя основные тезисы В.О. Ключевского⁷.

---

⁵ Пархоменко В.А. Следы половецкого эпоса в летописях // Проблема источниковедения. Сб. 3. М.;Л., 1940. С. 391.

⁶ Якубовский А.Ю. Феодалное общество Средней Азии и ее торговля с Восточной Европой в X—XV вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып. 3. Ч. 1. Л., 1932.

⁷ Лященко П.И. История русского народного хозяйства. М.;Л., 1927. С. 25, 60; Кулишер И.М. Очерк истории русской торговли. Пг., 1923; Кулишер И.М. История

Начавшаяся дискуссия о взаимоотношениях Древней Руси и кочевников была поддержана в русской зарубежной историографии, прежде всего, исследованиями ученых-евразийцев. Особая роль степной полосы Евразии отмечалась евразийцами неоднократно, именно в связи с этим появляется методологическая статья П.Н. Савицкого “О задачах кочевниковедения”. По мнению автора, срединное положение кочевого мира толкало его к выполнению соединительной роли между различными культурами.

В “Начертании русской истории” Г.В. Вернадский указывал, что вся история Евразии есть последовательный ряд попыток создания единого всеевразийского государства. Попытки эти шли как с Востока, так и с Запада. Устойчивой евразийской формой государства и власти является форма военной империи. Однако на почве Евразии выростала государственность и иного типа: вечевое правление в удельных княжествах Древней Руси. С кочевниками все время шла напряженная борьба. Именно из-за этой борьбы русским князьям пришлось отказаться от плана Святослава объединить лес и степь и сосредоточить все свое внимание на внутреннем сплочении своего государства. Г.В. Вернадский обратил внимание на то, что почти в каждом южнорусском княжестве были “свои поганые” в отличие от “диких” половцев”.

В рамках постоянного издания евразийцев “*Seminarium Kondakovian*” выходит ряд блестящих статей о печенегах, торках, союзе черных клобуков и половцах Д.А. Расовского⁸. Большое внимание Д.А. Расовский уделяет расселению кочевников, указывая на сложность проведения северной границы. Исследователь не расходится с основной направленностью евразийцев: отношения Древней Руси с печенегами и половцами характеризуются напряженной борьбой. Черноклобуцкие поселения Д.А. Расовский сравнивает с держаниями “некрещеных татарских царевичей” в XVI в. Интересно, что Д.А. Расовский, отметил половецкие поселения в Угрии, на тех же правах, что и торческие, не заметив их на Руси. С торками, поселенными на Руси, исследователь связывает и “тльковинов” “Слова о полку Игореве”, которые выступали как переводчики во время переговоров русских с половцами. В “Половцах” Д.А. Расовский подробно рассматривает всю историю кыпчаков, от возникновения до существования их в составе Золотой Орды. Подробно описывая территорию их расселения, хозяйство, внешний вид и традиции, исследователь гораздо меньше уделяет внимания

русского народного хозяйства. Т. 1. М., 1925; Юшков С.В. Феодалные отношения и Киевская Русь // Учен. зап. Саратовского ун-та. Вып. 4. 1924. С. 9—10.

⁸ Расовский Д.А. О роли Черных Клобуков в истории Древней Руси // SK. Ч. I. Prague, 1927; Расовский Д.А. К вопросу о происхождении Codex Cumanicus // SK. III. Praga, 1929; Расовский Д.А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // SK. VI. Praga, 1933; Расовский Д.А. Половцы. Происхождение половцев // SK. Ч.1. Т. VII. Prague, 1935; Расовский Д.А. Тьлковины // SK. VIII. Praga, 1937.

взаимоотношениям с оседлыми народами и государствами, ограничившись их отношениями с другими степняками.

Впоследствии идеи евразийцев легли в основу этнической теории Л.Н. Гумилева. По его мнению, Русь и завоеванная Степь составляли в XII в. единое, хотя и не централизованное государство. Экономико-географическое единство региона определяло необходимость создания целостной системы, где части не противостоят друг другу, а дополняют одна другую. Разумеется, это не исключало столкновений, но эти столкновения имели место и внутри самой Руси, как княжеские междоусобицы.

Всестороннюю оценку вопросы взаимоотношений Древнерусского государства с кочевниками получили в трудах Б.Д. Грекова, предложившего отказаться от традиционного упрощенного взгляда на кочевников как на чисто “внешнюю силу” по отношению к Руси. Исследователь писал, что много кочевников осело на территории Киевского государства, часть их растворилась в массе “русского” (славянского) народа, а наиболее сильные из этих “кочевников” сумели организовать как раз в период распада Киевского государства свое собственное (Кыпчакское) государство”⁹.

В 30—40-е годы разрабатывались проблемы взаимоотношений Руси с печенегами, торками и половцами, а также вопросы, связанные с общественным строем, бытом, культурой этих народов с привлечением и комплексным анализом письменного, лингвистического и археологического материала. Так, в 40-е годы В.В. Мавродин, описывая половецкие города, считал обитателями Шаруканя, Балина, Чешуева и Сугрова смешанное ясо-русско-тюркское население, среди которого преобладали ясы-аланы. Локализацию этих городов определили позднее Н.В. Сибилев и Б.А. Рыбаков.

В 40-х годах получила некоторое развитие тенденция к идеализации русско-половецких отношений. В.А. Гордлевский отрицал губительное влияние половецких набегов на русские земли. Он писал о “тесных” и “дружественных” отношениях между двумя народами – русским и половецким, - которые “вросли в повседневный быт”. Против такой идеализации русско-половецких отношений выступил А.И. Попов. Он отмечал, что мир с половцами был “условным”, поскольку не существовало единого половецкого государства и определенных, четких границ со степью. Относительно взаимных культурных влияний А.И. Попов высказал точку зрения, что они были невелики и выражались в основном в заимствовании русскими небольшого количества половецких слов. Вопросы исторической географии Половецкой земли стали предметом многолетних исследований К.В. Кудряшова.

---

⁹ Греков Б.Д. Киевская Русь и проблема происхождения русского феодализма у М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского: Сб. статей. Ч. 1. М.;Л., 1939. С. 112.

С середины 50-х годов при исследовании проблемы взаимоотношений Руси с кочевниками археологи стали играть еще большую роль. Они не только переосмыслили ранее известные письменные источники и памятники материальной культуры, но ввели в научное обращение новые материалы. В этом отношении заслуживают особого внимания работы С.А. Плетневой, и, прежде всего, ее исследование “Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях”. Важные наблюдения были сделаны ею при изучении общественного строя кочевников: у печенегов автор отметила черты военной демократии, у половцев – зарождение феодальных отношений; их последующее развитие привело общество во времена Кончака к созданию государственного образования (хотя и недолговечного).

В нескольких статьях С.А. Плетнева коснулась вопроса о половецком устном творчестве, обратилась к наиболее слабо разработанной проблеме – политической и экономической географии Половецкой земли. Специальные исследования С.А. Плетнева посвятила древностям черных клобуков и половцам. В “Кочевниках средневековья” прослеживаются отношения двух хозяйственных систем – земледельческой и кочевнической, принадлежащих к разноэтничным государственным объединениям.

С 60-х годов в трудах советских исследователей намечались новые тенденции в изучении истории населения степей. В ряде работ проявилось стремление значительно расширить традиционные хронологические рамки изучения истории половцев и проследить их судьбы в эпоху Золотой орды, под властью которой оказались половецкие племена¹⁰. В данном направлении проводились особые исследования Г.А. Федоровым-Давыдовым. В основу его монографии “Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов” лег археологический материал. В результате проведенного исследования, получено еще одно подтверждение тезиса, что не было “чистого” кочевничества, а имело место сосуществование кочевничества с оседлым миром.

В 70—80-е годы активизировались исследования кипчакских древностей и памятников Прииртышья и Волго-Уральского междуречья. Можно выделить две серьезные монографии: Б.Е. Кумекова “Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам” и С.М. Ахинжанова “Кыпчаки в истории средневекового Казахстана”. Работы рассматривала отношения кыпчаков с соседними народами Центральной Азии и Юго-Восточной Европы. Исследуя исторические условия формирования русской народности, Л.В. Черепнин отмечал, что борьба с кочевниками ускоряла процесс складывания

---

¹⁰ Зяблин Л.П. О “татарских” курганах; Федоров-Давыдов Г.А. Города и кочевые степи в Золотой Орде в XIII в. // Вестн. МГУ. Сер. IX. История. № 6. 1965; Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы...; Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

древнерусской народности. Подобного же мнения были И.В. Созин, В.В. Каргалов. Русско-печенежские отношения рубежа X—XI вв. изучал И.М. Шекера. Определяя основные черты отношений Руси и кочевников, помимо военных действий, он отметил, что русские князья побуждали торков и отдельные колена других кочевников оседать на землю и что главной причиной разгрома торков русскими князьями явилась не византийская дипломатия, а стремление самой Руси обеспечить свою безопасность на южных рубежах.

В.Т. Пашуто рассмотрел “степную политику” русских князей в неразрывной связи с внутривосточными процессами, происходившими в Киевской Руси, с началом феодального дробления страны, которому в значительной степени способствовало участие печенегов, торков и особенно половцев в феодальных распрях.

Запустение значительной части лесостепи между Днестром и Днепром в XI в. было отмечено П.А. Раппопортом. Исследователь связывает это запустение с набегами половцев. Эффективной мерой борьбы с половцами он считал строительство укрепленных пунктов – “городков”, заселенных специфической социальной группой свободных воинов-земледельцев, что подтверждалось археологическим материалом. Вопросы укрепления Южной Руси, строительству городов-крепостей для борьбы с кочевниками, “нарубанию” воинов для поселения их на пристепной окраине Древнерусского государства большое внимание уделяли Б.А. Рыбаков и П.П. Толочко.

В работе “Кочевые народы степей и Киевская Русь” П.П. Толочко проводит мысль о том, что “именно кочевники в значительной мере изменили этнокультурную систему восточнославянских народов, надолго изолировав их от европейского мира”¹¹. Длительное противостояние, по мнению П.П. Толочко, было вызвано объективными факторами: давление избытка населения на производительные силы и природные катаклизмы. Влияние кочевников на Русь автор отмечает в “определенных культурных приобретениях”. При этом нельзя говорить о симбиозе славяно-русской и кочевнической культур, но отмечается заметная роль тюркского этнокультурного элемента в формировании древнерусской этнической и культурной общности.

А.В. Гадло указывал, что присоединение к Русскому государству отдельных печенежских колен способствовало славяно-русской миграции на юг, в Приазовье и Таврику, и играло большую роль в укреплении степных границ. В другой своей работе А.В. Гадло писал, что действия Святослава в приволжской Хазарии и его поход по степям от Каспия к Таманскому полуострову были возможны лишь благодаря союзу Руси с кочевавшими в районе Дона печенегами.

---

¹¹ Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев, 1999. С. 8.

В книге Г.Н. Гарустовича и В.А. Иванова “Огузы и печенеги в евразийских степях” авторы приходят к выводу, что во второй половине X в. печенеги уже не просто конгломерат кочевых орд, но народ с зарождающейся государственной системой: наличием четко обозначенной территории обитания; внутренней родоплеменной, а по сути – административной структурой”.

В исторической литературе влияние кочевников часто рассматривается в связи с вопросами русско-византийских и русско-болгарских отношений. Так, В.Ф. Минорский считал, что о печенегах как о союзниках Руси можно говорить лишь в применении ко времени Игоря, что касается времени Святослава, то печенеги были уже противниками Руси. Но по мнению А.Н. Сахарова, какая-то часть печенежских колен сотрудничала с Русью и в 60—70-х годах X в. Т.М. Калинина указывала, что сам русско-византийский договор 944 г. свидетельствует о союзных отношениях между Русью и печенегами, так как только на этих условиях Русь могла влиять на ход событий в Причерноморье.

В работах Б.А. Рыбакова, В.Я. Проппа, Б.Н. Путилова, А.М. Астаховой рассматривался вопрос об отражении борьбы восточных славян с кочевниками в устном народном творчестве.

Сегодня по проблеме взаимоотношений древнерусских земель с кочевниками накоплена огромная историография. Но и в настоящее время остается открытым целый ряд вопросов. В частности, вопросы социальной организации и кочевников, и Древней Руси; влияния кочевников на становление древнерусской государственности; географический, этнодемографический, ментальный факторы взаимовлияния.

Глава 3. “Варварские” империи как система политической организации Восточной Европы в IX—XIII вв.”

На наш взгляд, восточноевропейские степи всегда были объединены в единую мультиполитичную систему по типу “варварской” империи, где “метрополия” являлась “высокоразвитой” только в военном или политическом отношении и по существу сама являлась “периферией” и “провинцией”¹². Для рассматриваемого периода выделяются два центра этой системы: в IX – первой половине X вв. – Хазарский каганат, а в середине X в. (965 г.) ядро смещается в Киев. Вокруг этих центров разнородные по социально-политическому устройству образования составляли периферию, но, входя в единую политическую систему, продолжали сохранять за собой достаточную автономию. Центр обычно оставлял в неприкосновенности социальную организацию подвластных народов и ограничивался взиманием с них положенной дани и обязанностью поставлять военные контингенты и

---

¹² Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.

оказывать военную помощь. Тюркоязычные кочевники, попадая в южнорусские степи, оказывались втянутыми в общую систему, сохраняя внутреннее устройство общества, традиции, насколько возможно образ жизни.

§ 1. *Кочевые образования Восточной Европы эпохи средневековья (IX—XIII вв.)*

В свое время анализ социальной структуры кочевых сообществ, проведенный С.А. Плетневой, позволил ей сделать вывод, что печенеги находились на первой стадии кочевания с формой общественного устройства союзом племен, соответствующим периоду военной демократии¹³. Как нам представляется, в ходе рассуждений не учитывались два обстоятельства: 1) особенности природных условий южнорусских степей; 2) окружение Европейской Печенегии мощными цивилизационными центрами, в первую очередь, соседство с Хазарским каганатом и Византией. Оба этих фактора позволяют усомниться в самой возможности сохранения печенегами таборной формы кочевания. Анализ источников (прежде всего, сведений Константина Багрянородного) привел нас к выводу, что печенежское общество являло собой сложное вождество, и такая форма устройства общества никак не могла соответствовать первой стадии кочевания. Доказательством тому могут служить наличие четкого порядка наследования власти, пятерично-десятичная организация войска, проявляющаяся в делении каждой фемы на пять меньших частей, существование административного деления подвластных территорий на единицы, весьма напоминающие более поздние улусы Золотой Орды.

Печенеги не смогли создать свою кочевую империю, как нам кажется, из-за особенностей геополитического пространства южнорусских степей. Попав в восточноевропейские степи, они сразу сталкиваются с несколькими цивилизационными моделями: полукочевое конфедеративное объединение хазар, империя ромеев, Дунайская Болгария и развивающиеся быстрыми темпами Волжская Булгария, Угрия и Древняя Русь. Очевидно, что наиболее близкой моделью развития для печенегов должен был стать Хазарский каганат. Хазария никогда не была строго централизованным государством, а представляла собой конфедерацию племен, пользующихся автономией не только во внутренних, но и во внешних делах. Представители правительства на местах не заменяли местного управления, а только контролировали его, обеспечивая исправное поступление налогов и выполнение других повинностей в пользу государства, важнейшей из которых была военная служба. Печенеги могли претендовать на роль ядра кочевой империи после ослабления каганата, но кочевая империя может существовать только на базе комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства; для создания

---

¹³ Плетнева С.А. Кочевники средневековья: Поиски исторических закономерностей. М., 1982. С. 56.

такового печенегам необходимо было подчинить какое-либо оседлое объединение, но сил для этого не было.

Более сложна характеристика общественной структуры огузов восточноевропейских степей (торков русских летописей). То, что нам известно по источникам о восточноевропейских гузах, не укладывается в определение ни вожества, ни тем более сложного вожества. Здесь гораздо больше сохранились черты эгалитарного общества. Очень соблазнительно остановиться на определении общественной структуры восточноевропейских огузов как на племенной. Сложность заключается в том, что мы доподлинно не знаем, как были связаны между собой среднеазиатские и европейские огузы. Говоря о державе присырдарьинских ябгу и о державе Сельджукидов, фактически нет сомнений, что речь идет о “кочевых империях”. Восточноевропейские огузы вполне могли выступать как периферия этих образований, и вероятно, наиболее отсталая часть. Утверждать этого, конечно, нельзя, но можно отметить, что, несмотря на важное значение лука и стрел как племенных символов огузов, в погребальных памятниках восточноевропейских огузов не встречено остатков лука (лук был символом “старших” племен), а наконечники стрел (символ “младших” племен) встречены в 24,4% погребений¹⁴.

В работах С.Г. Агаджанова, М.И. Артамонова указывалось, что уже в период до сельджукского движения огузы представляли собой две “генетически связанные между собой, но далеко не тождественные” этнические общности, развитие которых происходило в сфере различных политических образований¹⁵. В качестве главной причины раскола огузов называлось принятие частью этого народа ислама. Как нам кажется, степняки, оставшиеся в рамках традиционных верований, первоначально пытаются завоевать какие-то хазарские земли, но, потерпев неудачу, налаживают связи с каганатом, выступая в качестве военной наемной силы. Вероятно, связи восточноевропейских гузов с присырдарьинской державой ябгу были разорваны в X в., после ухода в низовья Сыр-Дарьи Сельджука. Племенные объединения оставшихся гузов так или иначе были включены в политическую систему Хазарского каганата.

Половцы, пришедшие в южнорусские степи позднее, в эту систему быть включены уже не могли. По мнению С.А. Плетневой, к концу XI в. половцы переходят ко второй стадии кочевания и заканчивают этот переход на рубеже XII—XIII вв.¹⁶ На наш взгляд, половцы в середине (а, возможно, и в начале) XII в. перешагнули вторую стадию кочевания, перейдя на третью. С этого

---

¹⁴ Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа, 2001. С. 82—83, табл. 4.

¹⁵ Агаджанов С.Г. Огузская проблема и задачи ее изучения // Тюркологический сборник 1973 г. М., 1975. С. 15—16.

¹⁶ Плетнева С.А. Кочевники средневековья... С. 56, 60.

времени начинается создание государствовподобных структур половцев-кыпчаков, с сохранением их подчинения Руси. Вероятно, согласно исторической логике, следующим центром мультиполитии южнорусских степей должен был стать кыпчако-половецкий. Русь, занятая внутренними усобицами, не могла долго играть роль объединяющего центра, и таким центром должно было стать единое государство половцев, выросшее из суперсложного вожества. Окончательное сложение суперсложного вожества половцев надо вероятно относить к моменту возвышения хана Кончака в 60—70-е годы XII в. После прихода к власти сына Кончака Юрия, видимо, все восточные половцы оказываются объединены в единое политическое образование.

Таким образом, кочевые объединения восточноевропейских степей IX—XIII вв. при всей хозяйственной близости дают картину различного общественно-политического устройства. В восточноевропейских степях огузы и печенеги оказались в окружении сильных цивилизационных образований, что заставило их искать себе “сюзерена”. На раннем этапе заселения южнорусских степей таким сюзереном выступила уже находящаяся в глубоком кризисе Хазария. Но ни огузы, ни печенеги не смогли воспользоваться предоставленной возможностью стать наследниками кочевой империи хазар. В середине X в. у этих протогосударственных образований не было достаточных сил, чтобы противостоять “малому хазарскому кагану” Святославу. Половцы, пришедшие в южнорусские степи в более выгодный период сформировали и более сложную общественно-политическую структуру – реальный прообраз будущего государства, но вышедшие на политическую арену монгольские племена не позволили половцам закончить процесс государственной структуризации своим нашествием XIII в.

§ 2. Древняя Русь – кочевая империя (феномен оседлого центра)

Разгром хазар Святославом в 965 г., вероятно, официально закрепил перенос центра степной мультиполитии в Киев. Русь, развиваясь по “хазарской модели”, переняла многие черты, присущие кочевым империям. В период IX – середины XI вв. Русь представляла собой конгломерат относительно автономных земель, связанных системой даннических отношений. При этом кочевнические земли (Дикое поле) были такой же составной частью этого конгломерата.

Русские земли не обладали единым типом хозяйства, скорее продукты, произведенные в разных областях, дополняли друг друга. Север – соль, меха; Киевская, Черниговская земли – продукты земледелия; юг (Дикое поле) – продукты скотоводства. Кроме того, кочевники поставляли главное средство производства того времени – тягловый скот и лошадей. Это давало возможность интенсифицировать земледельческий процесс, доводить свое производство до уровня товарного. Помимо этого, кочевнические земли, вероятно, исполняли роль буферной зоны между восточнославянскими

племенами и Хазарией, Болгарией, Волжской Булгарией, Угрией. Они изначально выступали как естественное пограничье, предохраняя русские земли от нападения со стороны наиболее развитых государств того времени и “чужих” кочевников.

Независимость, пусть даже относительная, предполагала и возможную враждебность соседей. Каждая русская земля оказывается во враждебном окружении. Отсюда высокая роль удельных князей и их дружин и городов, как оборонительных центров. Очевидно мы имеем дело с военным путем политогенеза, когда становление государственных структур в различных землях происходило через возрастание роли военной организации и постепенное превращение военного предводителя в политического, а его окружения в привилегированную прослойку и первичный госаппарат.

Для всех таких обществ очевидно просматривается схожее социальное устройство по военному, десятичному принципу (на Руси: община = дружина¹⁷, община = сотня, волость = тысяча¹⁸). Князь (также как и хан в степи), в первую очередь, военный предводитель. Их административная деятельность резко ограничена земскими или куренными институтами. Наибольшим уважением в обществах, развивающихся по пути военного политогенеза, пользуется военная элита, представленная дружиной. Состав дружины был неоднородным в социальном и этническом отношении, что открывало возможность для вливания в состав этого подразделения не только представителей рядового населения, но и представителей соседних народов. Более того, облегчало процесс включения степной иерархии в древнерусскую. Таким образом, можно говорить о Древней Руси как о суперсложном вождестве, главенствующее положение в котором занимала военная элита. При этом сохраняется роль старой родовой аристократии, жречества (позднее духовенства) и народного собрания (веча).

Таким образом, Древняя Русь никогда не представляла единого централизованного политического образования. Это предопределило внутреннее разграничение на северную и южную части, причем последняя, долгое время находящаяся в постоянном контакте с кочевым миром была в большей степени подготовлена к инфильтрационным и ассимилятивным процессам. Целый ряд институтов, приписываемых исследователями монгольскому влиянию, сложился еще в домонгольское время. Монгольское же завоевание и включение русских земель в политическую структуру Золотой Орды углубило именно черты, свойственные кочевническим цивилизациям.

---

¹⁷ Русская Правда. Пространная редакция // Российское законодательство X—XX вв. Т. I. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 86.

¹⁸ Павлов-Сельванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С. 225.

В **заключении** обобщаются результаты проведенного исследования и формулируются следующие сделанные по ходу работы выводы:

По отношению к странам Старого Света кочевой мир является срединным, и в силу своего географического положения вынужден был общаться с окружающими его народами, в том числе с Русью. Источники отразили многообразие этих отношений для периода IX—XIII вв. Многочисленные памятники отражают торговые, политические, военные, матримониальные связи Древней Руси с тюркоязычными кочевниками. Вероятно, не случайно и объединение кочевников и руссов под общими названиями “скифов”, “тюрков”, “славян”, “хазар”, упоминания о том, что эти народы говорят на одном языке. Все эти сведения позволяют нам предполагать включение кочевников и древних руссов в единую политическую систему.

История отношений Древней Руси и кочевников драматична, и потому никогда не выпадала из поля зрения историков. На протяжении XVIII—XIX вв. в российской историографии преобладал негативный подход в оценке роли кочевых народов в истории Древней Руси. Даже авторы, указывавшие на некоторые положительные моменты взаимоотношений Руси и кочевников видели проявление этих моментов в более быстром развитии Древнерусского государства из-за борьбы с кочевниками. Появление новых источников заставило взглянуть на проблему по-новому. Ее освоение вышло за пределы традиционного рассмотрения чисто внешней стороны взаимоотношений Руси с кочевыми племенами. Непосредственные взаимоотношения этих миров стали рассматриваться в плане внешней политики и международных связей и вместе с тем как часть огромной важности проблемы взаимодействия оседлых и кочевых культур.

Сегодня можно утверждать, что отношения Руси с кочевыми народами были многогранными. В IX—XIII вв. и кочевники, и Русь стояли на пороге государственного строительства. Соседство и тесное взаимодействие могли либо стимулировать процесс становления государственности, либо замедлить его. Общие черты развития приводили к быстрому сближению и открытости для взаимовлияния, политической, экономической и культурной интеграции. Возможно, свою роль в сближении сыграли сходные географические условия существования: отсутствие естественных границ, большое количество незанятых земель, характер природных условий – это области “критического” ведения хозяйства. В этих условиях и кочевники, и земледельцы тяготели к лесостепи. Ее южная часть становится территорией перекрещивающихся интересов и зоной контакта.

Еще одной точкой соприкосновения можно считать зависимость “варварских” империй от внешней торговли. Взаимовыгодная торгово-обменная деятельность приводила к ускорению социально-экономического развития. Включение кочевников в экономическую орбиту Древней Руси позволяло расширить торговые связи за счет трансконтинентальных

маршрутов, обезопасить движение собственных торговых караванов, увеличить количество рынков сбыта и ассортимент товаров.

Военный путь политогенеза определил целый ряд схожих черт кочевых империй и империи Древнерусской: 1) характер политического устройства – военная империя; 2) военно-иерархический характер общественной организации, выстроенной по принципу военных единиц; 3) быстрое развитие оборонной индустрии; 4) схожее устройство войска и тактических приемов ведения боя; 5) дуальный (или триадный) принцип социальной организации на ее высших уровнях. Эти черты выросли из внутренней логики развития обществ, но постоянное и тесное общение приводило к ускорению процесса их становления.

Тесное соседство и взаимодействие, ментальная близость, схожесть социально-экономического развития приводили и к заимствованию ряда элементов кочевнических образований (или при посредстве кочевников) Древней Русью, в частности, титула “хакан” из Хазарии, удельно-лествичной системы, институтов соправления и кормления.

Все это позволило Древней Руси достаточно быстро адаптироваться к политической системе Золотоордынского государства, которое, в свою очередь, углубило черты, свойственные именно кочевым цивилизациям, что и позволило исследователям говорить о “неомонгольском” государстве – Московии.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Епимахова Т.В. Евразийцы и современное кочевниковедение (к постановке проблемы) // Студент и научно-технический прогресс. Челябинск, 1989.
2. Епимахова Т.В. Евразийцы: этика, политика, мораль // Тезисы докладов студенческой конференции по итогам полевого сезона. Тобольск, 1988.
3. Епимахова Т.В. Природно-климатический фактор и месторазвитие кочевой культуры в трудах евразийцев // Тезисы докладов XXII УПАСК (РАСК). Челябинск, 1990.
4. Епимахова Т.В. Историческая концепция евразийства // Студент и научно-технический прогресс. Челябинск, 1990.
5. Епимахова Т.В. Кочевниковедческие исследования евразийцев в свете их исторической концепции // Тезисы докладов XXIII РАСК. Свердловск, 1991.
6. Епимахова Т.В. Евразийцы: политическая концепция и тезисы кочевниковедческой теории // Вестник Челябинского университета. Челябинск, 1992. № 2.
7. Епимахова Т.В. К вопросу о взаимоотношениях кочевников и земледельцев // Вестник Челябинского университета. Челябинск, 1993. № 2.
8. Епимахова Т.В. Половцы в Подунавье // Уржумка. Челябинск, 1995. № 1.
9. Любчанская Т.В. Советская историография первой половины XX века о взаимоотношениях тюркоязычных кочевников и Древней Руси // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2002.
10. Любчанская Т.В. “Дикое поле” и Древнерусская империя // Вестник Челябинского университета. Сер. История. 2003. № 1.
11. Любчанская Т.В. “Варварские империи” кочевников и Древней Руси // Вестник Челябинского университета. Сер. История. 2004. № 1.
12. Любчанская Т.В. “Православная” Русь и “поганые” половцы // Вестник Челябинского университета. Сер. История. 2003. № 2.
13. Любчанская Т.В. “Варварские империи” кочевников и Древней Руси // Тезисы докладов международной конференции “Природа и общество”. Краков, 2003.

Подписано в печать
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 2,2.
Тираж 100 экз. Заказ . Бесплатно